

ЛЬЮИС КОРИ

John Pierpont Morgan-senior

МОРГАНЫ

ДИНАСТИЯ КРУПНЕЙШИХ ОЛИГАРХОВ

Льюис Кори

**Морганы. Династия
крупнейших олигархов**

«Центрполиграф»

2012

Кори Л.

Морганы. Династия крупнейших олигархов / Л. Кори —
«Центрполиграф», 2012

Американский экономист Льюис Кори, автор одной из первых биографий Моргана, в своем исследовании излагает историю формирования крупнейшей финансово-промышленной группы США начиная с колониальных времен. В отличие от большинства панегириков в адрес Морганов Кори приводит многочисленные примеры столкновений банкира с опасными конкурентами, добиваясь финансового могущества, централизации и контроля подчас пиратскими методами, что привело к лидерству Дома Морганов и появлению термина «морганизация».

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Аристократия	5
Глава 2. Колониальные корни	7
Глава 3. Джозеф Морган – хозяин гостиницы	11
Глава 4. Джон Пирпонт – бунтарь	15
Глава 5. Финансы: Джордж Пибоди и Джуниус Морган	20
Часть вторая	28
Глава 6. Война и карабины	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Льюис Кори

Морганы. Династия крупнейших олигархов

Часть первая

Предпосылки

Глава 1. Аристократия

*– Герцогине, – произнес Лакей-Лещ с необычайной важностью. –
От Королевы. Приглашение на крокет.*

*Лягушонок принял письмо и так же важно повторил его слова,
лишь слегка изменив их порядок:*

*– От королевы. Герцогине. Приглашение на крокет.
Алиса в Стране чудес*

В 1901 году Виндзорский замок, весьма почитаемый королевскими особами, придворными и военными, впервые посетили американские мультимиллионеры. Это была делегация Торговой палаты Нью-Йорка, прибывшая на торжества по поводу коронации Эдуарда VII, короля Великобритании и Ирландии (и императора Индии). Королю тоже было любопытно встретиться с этими влиятельными людьми. Особенно его интересовали Дж. Пирпонт Морган и Эндрю Карнеги.

Карнеги не приехал, и Морган оказался там единственным некоронованным американским денежным королем, который незадолго до этого продемонстрировал свою мощь, создав корпорацию «Юнайтед стейтс стил», промышленный гигант, вызывавший благоговейный страх как у коронованных особ, так и у простолюдинов. Теперь он закупал британские корабли у международного судоходного треста. Как сообщала пресса: «Внимание всех собравшихся, начиная с самого короля, было сосредоточено на господине Моргане, и в этом любопытстве прослеживалась доля восхищения». Придворные «опасались (в шутку, но не без основания, так как Морган активно скупал художественные ценности Англии), что Моргану может взбрести в голову прикупить заодно и Виндзорский дворец». Осуждая «американское вторжение», одна из британских газет предложила короновать Моргану.

В то время состоятельные американцы, жаждавшие королевского признания, стали стекаться к британскому двору. Соперничая в этом с англичанами, как, впрочем, и в других делах, кайзер Вильгельм II начал кампанию по привлечению американцев к своему двору, и вскоре честь быть признанным в Германии стала почти равной признанию в Англии. Морган был одним из фаворитов Вильгельма. Кайзер принял участие в обеде на яхте Моргану «Корсар», наградив его орденом Красного орла, подарил ему свой мраморный бюст и однажды назвал Моргану «мой талисман», когда единственный раз яхта его величества выиграла гонки в Киле, в то время как финансист из Америки находился на ее борту.

Морган и сам источал королевское величие, высокомерие, властность и масштабность. Это напоминало тягу к пышности и великолепию знатных купцов времен Ренессанса. И за всем этим величием стоял банкирский дом Морганов, обладавший верховной финансовой властью в самой мощной индустриально развитой стране мира. Финансовая власть в новой экономической системе позволяла Моргану купаться в роскоши и запросто общаться с королями; как-то после встречи с кайзером Вильгельмом II миллионер даже заявил с апломбом: «Он мне нравится».

Это было время, когда новая финансовая и старая наследственная аристократия объединились.

Сама аристократия может исчезнуть, но ее аристократические идеалы останутся... Хотя колонизация Америки (особенно в Новой Англии) представляла собой восстание против аристократии, среди поселенцев сохранялись классовые и кастовые различия. Каждая стадия колониального развития порождала свою аристократию. Старая колониальная аристократия, сметенная бурей революции и джефферсоновской демократией, приняла новые формы и стала претендовать на коммерческое превосходство. В 1850 году один панегирист радостно заявлял: «В этой стране нет знати, но здесь существует класс принцев... принцев от коммерции, и их присутствие – благо для Азии, Африки, Европы и для любой части Америки».

Но пришло время, и эта коммерческая аристократия уступила пальму первенства промышленной и финансовой аристократии, возникшей после Гражданской войны на волне капиталистического предпринимательства. Тогда на сцену вышли мультимиллионеры – короли железных дорог, нефти, стали, говядины, свинины, меди, жести, банков, составившие новую американскую денежную аристократию.

Но, несмотря на все ее светские манеры и обстановку, эту аристократию преследовал комплекс неполноценности. Сплевывая в колодец, из которого сами же пили воду, эти новые аристократы стали считать американские деньги чем-то обыденным и непримечательным. Сколотив незаконные миллионы с помощью методов, за которые сейчас можно угодить в тюрьму, они бросились скупать европейские титулы для своих дочерей. Но поскольку приобрести титул посредством брака могли только женщины, да и эти возможности были ограничены, денежная аристократия стала приобретать для себя благородных предков (за вычетом заключенных и висельников). В социальном плане было весьма полезно, если чьими-то прямыми предками оказывались либо первооткрыватели, либо злобные пираты. Тот факт, что истинный американский Астор был уличным торговцем, а его брат – мясником, отнюдь не гармонировал с королевским величием правления госпожи Уильям Астор в среде социальной элиты Нью-Йорка. И тогда они нашли линию благородных Асторов среди аристократии Франции и Кастилии. Такая генеалогия бурно развивалась и зачастую приводила к обнаружению довольно удивительных родословных связей. Джон Д. Рокфеллер оказался потомком Генриха I, короля Франции, а Келвин Кулидж – Карла Великого. По данным одного специалиста по генеалогии, Дж. Пирпонт Морган происходил от Давида I Шотландского, в то время как другой, игнорируя его королевское происхождение, относил линию Морганов к главарям норманнских разбойников, которые «получили» большие поместья в Англии после ее захвата.

Но такой поиск аристократических линий представлял собой лишь одну из стадий развития этой денежной аристократии, и сейчас в основном ограничивается «мужской» составляющей, обладающей скорее благородной кровью, чем деньгами. Такие исследования демократизировали аристократическое прошлое: оказалось, что каждая американская семья английского происхождения вела свою линию от Альфреда Великого, Вильгельма Завоевателя либо от Роберта Брюса. Более того, Морганы и другие мастера делать деньги вполне могли отказаться от такого родства в пользу более прочного положения, которое можно приобрести за деньги, – сформировать собственную аристократию.

Суть аристократии – это власть и имя. Денежная аристократия обладает превосходством, которое нивелирует ее низкое происхождение в период освоения континента, давшего потом, кровью и муками обыкновенных женщин и мужчин. Каждая аристократия соответствует своему времени, создает свои идеалы и антураж, являющиеся чем-то большим, чем простой снобизм: это демонстрация классового превосходства и могущества, которые обеспечивают порядок, надежность и стабильность. Власть и есть аристократия, а деньги – источник этой власти в современной цивилизации.

Глава 2. Колониальные корни

Когда я читала сказки, я твердо знала, что такого на свете не бывает! А теперь я сама в них угодила!
Алиса в Стране чудес

Майлз Морган, американский предок хозяев дома Морганов, прибыл в Бостон в 1636 году вместе с братьями Джоном и Джеймсом. Они приехали, как и большинство эмигрантов тогда и сейчас, в поисках лучшей жизни. Их дедушка работал шорником в Уэльсе, семья принадлежала к мелкопоместным дворянам и переживала не лучшие времена, а Новый Свет сулил благополучие.

Колониальные эмигранты были простыми людьми, несмотря на аристократические претензии их более успешных потомков. Этим выходцам из низов английского общества терять было нечего, а приключения на неосвоенных территориях обещали многое. Среди поселенцев, которых аристократия считала просто «толпой», были торговцы, мелкие фермеры, механики, нанятые по контракту слуги и осужденные должники, «презираемые» привилегированной системой, но именно им предстояло создать более совершенную цивилизацию. Колониальная эмиграция стала частью общего движения против аристократии за капиталистическое преобразование феодализма. Волна этого движения прибила Морганов к берегам Новой Англии.

Джон Морган не стал задерживаться в Бостоне. Возможно, он был скептиком и достаточно веселым человеком, поэтому, как говорилось в старых хрониках, «столкнувшись с фанатизмом и гонениями богобоязненных пуритан... он с отвращением и негодованием распрощался со смиренными учениками Жана Кальвина» и отправился в более приветливую Вирджинию.

Братья Джона оказались более стойкими (или более благочестивыми). Джеймс обосновался в Новом Лондоне, а склонный к авантюрам Майлз отправился с экспедицией полковника Уильяма Пинчона строить новое поселение в дикой местности.

Отряд Пинчона нашел индейцев «вполне дружелюбными» и за тридцать фунтов приобрел у них участок земли, на котором сейчас расположены семь городов в Массачусетсе и Коннектикуте. Их поселение располагалось в Спрингфилде. Хотя ему еще не исполнилось 21 года, Майлз Морган «скрыл факт своего несовершеннолетия при раздаче участков земли, в которой людям его возраста участвовать не полагалось». Это стало первым «удачным бизнесом» американских Морганов. Мужественный юноша, Майлз построил на своей собственности блокгауз. Предприимчивый и целеустремленный, он один за другим приобретал участки земли, был избран констеблем, членом городского управления и комитета по распределению земли. Таким образом, он стал одним из трех самых уважаемых граждан Спрингфилда.

Майлз Морган благополучно процветал в Спрингфилде, был дважды женат, имел девять детей и скончался в преклонном возрасте – восемьдесят четыре года. Но до смерти он успел еще принять участие в Войне Короля Филипа, дослужившись до звания капитана колониальной милиции.

Дружественные отношения между индейцами и поселенцами в Новой Англии продолжались недолго. Сначала поселенцы «покупали» земли, а затем, став сильнее, начали их просто захватывать. Используя в качестве причины ссоры с индейцами, они объявляли им войну и захватывали желанные земли. Суды распространяли свою юрисдикцию на индейцев, даже если те не жили в поселениях, приказывали штрафовать или наказывать индейцев плетью за «богохульное поведение в священный день отдохновения», которое выражалось в виде охоты, рыбной ловли или других «проступках», а такие штрафы, как правило, выплачивались в виде земли.

Подобные необоснованные претензии поселенцев на право землевладения привели к конфликту Роджера Уильямса с правящей олигархией и к последующей его высылке из Массачусетса. В 1675 году притеснения экспроприаторов привели к всеобщему восстанию индейцев. Рассчитанная на полное уничтожение, Война Короля Филипа вылилась в столкновение дикости индейцев и варварства поселенцев.

Индейцы атаковали, взяли в осаду и сожгли Спрингфилд. Уцелевшие нашли убежище в блокадзе Майлза Моргана и под его командованием отразили все атаки. Но без подхода подкреплений ситуация оставалась безнадежной, и все выжившие были бы убиты, если бы один дружественный индеец не пробрался сквозь линии осаждавших и не привел помощь. Но, несмотря на это, стоящая в Спрингфилде статуя прославляет заслуги Моргана, а не неизвестного индейца.

Капитан Майлз Морган прослужил всю войну, как и его трое сыновей, о которых в старой хронике говорится, что «они были прекрасными нимродами в похвальном деле охоты за индейцами».

Но и в те времена бизнес не оставался без внимания. Через две недели после начала войны один бостонский джентльмен гордо заявил в своем письме, что «земля уже стоит десять тысяч фунтов».

Совет Коннектикута предоставил солдатам, помимо регулярной платы, права на «все, что им удастся захватить, будь то пленные, зерно или другое добро, которые они смогут продать с наибольшей выгодой для себя при условии, что при продаже их трофеев власти будут иметь право первой руки и покупать все по рыночной цене для последующего распределения между солдатами в равных долях, а среди командиров – пропорционально их оплате».

Предложение заполнить «все трофеи, которые они смогут захватить, в виде пленных и другого добра» естественно подтолкнуло некоторых солдат грабить как врагов, так и друзей. Поэтому впоследствии совет постановил: «Если случится так, что индейские деньги из раковин и другие захваченные трофеи принадлежат непричастным людям, а не врагам, они должны быть возвращены, так как мы не можем позволить себе неблагочестивые действия и беспорядки при совершении нашего справедливого возмездия».

По примеру совета Коннектикута, который «помимо платы оставлял солдатам все захваченные ими трофеи», совет Массачусетса для привлечения добровольцев на не спровоцированную поселенцами войну с племенем наррагансеттов предложил своим солдатам вдобавок к регулярной плате участки земли, захваченные у индейцев. Вместе с тем во время войны индейские добровольцы в колониальной милиции не получали наделы земли за свою службу.

В качестве трофеев были захвачены и поделены огромные участки земли. Коннектикут выделил земли ста восьмидесяти добровольцам, и среди них Джеймсу и Джозефу Морганам. После войны Майлз Морган и трое его сыновей получили «все заливные луга, примыкавшие к их полям за рекой Агавам, вместе с верхним полем». Помимо захваченных земель, сотни пленных индейцев были проданы в рабство на острова Вест-Индии, а другие остались «в услужении» поселенцев. Среди проданных индейцев были «тринадцать женщин и детей (один больной)» за двадцать фунтов, «одна женщина, четыре маленьких ребенка» за пять фунтов и «сорок один пленный» за восемьдесят два фунта. По всем имеющимся данным Морганы не принимали участия в этой работоторговле.

И все это считалось вполне законным. Пуритане приравнивали собственные интересы к религии, приписывая божественное происхождение своим действиям и их последствиям. Вместо признания того, что Война Короля Филипа была вызвана их жестоким поведением в отношении индейцев, высокомерное духовенство (правящая сила) настоятельно проповедовало идею о том, что войну развязал сам Господь, недовольный разгулом пьянства среди поселенцев, их леностью в преследовании квакеров, нетерпением при слушании богослужений, «неприличными» одежаниями женщин и многими другими подобными «грехами». Помимо этого, главен-

ствовавший в то время пуританизм оправдывал такие пороки, как стяжательство и любовь к деньгам, и, следуя доктрине кальвинизма, восхвалял предпринимательство, развитие бизнеса и накопление капитала (в противоположность расточительной аристократии). Бог проявлял себя в «хорошей работе», а «хорошая работа» означала труд и собственность. Таким образом, собственность стала проявлением воли Бога и благодеянием, а ее приобретение – идеалом. Поселенцы Новой Англии приспособили пуританизм к условиям своего непосредственного окружения: земля была главной формой собственности, «одним из божеств Новой Англии». Экспроприировать земли у индейцев, которые считались «исчадиями ада», стало богоугодным. Сколачивая свое изначальное состояние, Морганы служили Господу в меру своих умственных способностей и... личных интересов.

Но помимо денежных, пуританизм проповедовал и другие идеалы. Возникшее на волне борьбы против старого феодального порядка и формулирующее идеи индивидуальной и социальной свободы, пуританское движение было прогрессивным в своей основе, несмотря на ограничения, навязанные ему теологией и потребностями развивающегося капитализма, идеологическим выражением которого оно и являлось. В то время существовало множество радикальных пуританских сект, которые, вырвавшись из этих ограничений, проповедовали глубокие реформы и эгалитарную демократию, выражая таким образом настроения простых женщин и мужчин. Подобные секты расцвели на основе противоречий в новых символах веры. Поскольку быть бедным или богатым равно считалось проявлением воли Господней, среди богатых возникло нетерпимое презрение к бедным. Но пуританин мог быть богопослушным и одновременно безуспешным в приобретении собственности: и что тогда? Это не имело значения у первых поселенцев, условия жизни которых были примитивными, земли было в избытке, среди людей превалировало сравнительное равенство, а клерикальная аристократия жестко правила от имени Господа. Но условия менялись. Уже к 1680 году состояние тридцати торговцев Массачусетса составляло от пятидесяти до ста тысяч долларов, а к 1700 году сложилось четкое разделение между богатыми и бедными. Теократия была свергнута, а правление перешло в руки новой аристократии богачей, которая считала власть прерогативой собственности и служила этой собственности (а не Богу). В среде бедноты, как среди старых, так и новых иммигрантов, начал раздаваться ропот протеста. Этот протест отождествлялся с наиболее радикальными аспектами пуританизма, эгалитарной демократии и свободы. Такая идеология явно придавала определенный оттенок событиям того времени в Америке. В отдельных случаях этот протест выливался даже в предложения о совместном владении собственностью.

Морганы не поддерживали это движение бедноты против богатых, их также не вдохновляла идеология свободы. Они не были бедны и относились к крупным землевладельцам, консервативным, преуспевающим и богобоязненным. Один из них, правда, был яростным борцом против новых радикальных идей – преподобный Джозеф Морган, потомок Джеймса, брата Майлза Моргана. Как оказалось, и сам преподобный был далеко не безупречен. Одна из церквей выдвинула против него обвинение в «практике астрологии и греховном пьянстве». Обвинения не подтвердились, но преподобный Джозеф счел целесообразным оставить свой пост. В другой церкви он был изгнан высшим духовенством за невоздержанность, но через два года восстановлен «по ходатайству многих уважаемых людей». И вместе с тем преподобный Джозеф Морган был ярким глашатаем собственности. В одной из своих проповедей в 1732 году он говорил так: «Алчность (как и идолопоклонничество) является одним из устоев мира, как и нищета. Каждый человек, стремящийся разбогатеть, олицетворяет собой общественное благо. Таким образом, Бог, в своей мудрости и милости, превращает нашу греховность во всеобщее благо».

Подобное единение Господа и обогащения сопровождалось идеализацией бедности: «Для большинства людей оставаться бедным лучше, чем родиться богатым. Так жизнь в этом мире будет для них более удобной, а последующая – менее ужасной... У богатого человека

жизнь всегда полна страхов и забот... В то время как человек, добывающий честным трудом себе на пропитание и одеяние, свободен от подобных страхов и забот... Поэтому нам следует жалеть и любить богатых людей».

Но поскольку подобные аргументы могут мешать накоплению богатств, преподобный Джозеф Морган восклицает: «Но что же я делаю? Если это оттолкнет людей от борьбы за богатство, то принесет большой вред обществу и может подорвать устои мира... Богатый человек – большой друг общества, хотя он и заботится только о своем благе. Господь велит нам помогать друг другу, а раз любовь этого добиться не может, это должна сделать алчность».

В этой проповеди прослеживается социальный уклон к пуританскому объединению религии и личного интереса. В прежней вере богатство и бедность являлись вопросами индивидуальных отношений с божественной сущностью: бедность была знаком недовольствия Бога, а бедные – небогоугодными и отверженными. В данном же виде вера не могла выжить в условиях грядущего социального недовольства и более либеральных идей. Формулировка преподобного Джозефа Моргана сохраняет религиозные постулаты, но «социализирует» при этом старую веру, объединяя ее с «общественным благом». Таким образом, преподобный, возможно, перефразирует теорию Мандевиля, по которой «личный порок является общественной добродетелью» – важный аспект развивающегося капитализма. Приравнивая личные интересы к религии, пуритане воспитывали неукротимую страсть к приобретательству и накопительству, которая пережила упадок их теологической морали.

Глава 3. Джозеф Морган – хозяин гостиницы

– Так они и жили, – продолжала мышь Соня сонным голосом, зевая и потирая глаза, – как рыбы в киселе. А еще они рисовали... все, что начинается на М.

Алиса в Стране чудес

Давно существует ошибочное мнение, что дедушка Дж. Пирпонта Моргана был капитаном Континентальной армии. На самом деле это был его прадедущка, который сражался во время Войны за независимость, один из американских цинциннатов, который, уйдя в отставку после войны, осел в родовой ферме неподалеку от Спрингфилда. Его сын, дедушка Дж. Пирпонта Моргана, был более предприимчив и успешен. В семейной хронике Джозеф Морган, родившийся в 1780 году, описывается как «известный владелец гостиницы», который умер в 1847 году, оставив после себя сравнительно большое состояние». Эти хроники были довольно подробными. Джозеф Морган был хозяином гостиницы, владел несколькими линиями дилижансов, играл на бирже, одним словом – хитроумный янки, который своего не упустит.

В тот период существовало множество возможностей для предпринимательства. Революция пробудила политические и экономические силы. В гуще классовых конфликтов по поводу форм и целей нового правления индустриальные инновации придали нации определенный образ капитализма. Преобладавшее в то время мнение интерпретировало революцию с точки зрения расширения возможностей для коммерции: «Американская революция явилась освобождением не столько от политического, сколько от экономического рабства. Это коммерческое движение поддерживали прежде всего собственники, торговцы и производители». Промышленность и торговля развивались ускоренными темпами, а освоение Запада приносило новые богатства и расширяло рынки. Множились варианты возможности заработка денег.

Однако у фермеров Новой Англии не было возможности заработать большие деньги, поэтому фермерство стало экономически невыгодным и хозяйства пустели. Тогда предприимчивый Джозеф Морган решил стать хозяином гостиницы.

Коммерческий прогресс придал новое значение тавернам и использованию дилижансов для транспортных перевозок. Таверны, как правило, процветали, так как наши прадеды были отчаянными выпивохами – «мужчина не считался «пьяным», пока без сознания не валился на пол». Вместе с тем таверны были не только помещением, где удовлетворялись греховные страсти, но и социальным, политическим и деловым центром. Местом, где останавливались дилижансы и встречались бизнесмены во время путешествий. Будучи основным средством транспорта, дилижансы приносили большие прибыли, а высокие прибыли вызывали конкуренцию и войны тарифов. В одном из таких случаев война тарифов закончилась тем, что конкуренты привлекали пассажиров обещаниями бесплатной поездки, с бесплатным обедом и бутылкой вина впридачу. Владение тавернами и линиями дилижансов часто объединялось, что уже считалось «большим бизнесом».

Именно этот процветающий бизнес и привлек внимание Джозефа Моргана. В 1817 году он оставил родовую ферму и в сопровождении жены и сына, Джуниуса Спенсера Моргана, переехал в Хартфорд. В то время этот город был наиболее важным, бурно развивающимся торговым центром в долине реки Коннектикут. Он процветал благодаря активному переселению людей и развитию бизнеса. Хотя таверны и не являлись традиционным делом предков Моргана, чтобы победить, человеку зачастую нужно немного рискнуть, и гостиница стала для Джозефа Моргана надежным оплотом.

Владелец гостиницы оказался практичным и радушным хозяином. Дела Джозефа Моргана сразу же пошли в гору. Он не был замкнутым; радушно приветствуя пассажиров дилижан-

сов, Морган весело беседовал со своими гостями, которые в тот момент поглощали обильные обеды, включая большое количество вина и рома. Джозеф Морган всегда старался привлекать к своей гостинице внимание видных и зажиточных граждан Хартфорда, и вскоре она стала пользоваться у них популярностью.

Такая известность предоставила Моргану шанс разбогатеть. В 1819 году группа наиболее видных бизнесменов Хартфорда встретила в его гостинице и организовала страховую компанию «Этна файер», но тогда Джозефа Моргана не было в числе организаторов. Только небольшая часть капитала компании была внесена наличными, а остальная – в векселях. Предполагалось, что прибыль снимет необходимость каких-либо дополнительных выплат наличными со стороны акционеров. Но дело шло медленно, с трудностями, и вскоре возникло опасение, что для выполнения обязательств могут потребоваться дополнительные взносы. Стоимость акций катастрофически падала, и Джозеф Морган приобрел большое их количество почти даром. Вполне возможно, что он получал эти акции прямо от посетителей своей гостиницы, так как акционеры часто хвастались, что нашли того, кто освободит их от их акций, обязательств и всего прочего. Похоже на то, что доход Моргана от этого сравнительно ничтожного предприятия оказался весьма большим, так как через несколько лет капитал «Этны» уже составлял три миллиона долларов, из которых только сто девяносто шесть тысяч были выплачены акционерами, а остаток представлял собой капитализированный доход и прибыли. Эта удачная спекуляция сделала Джозефа Моргана действительно богатым человеком.

Когда колоритные кучера останавливали свои ярко раскрашенные дилижансы, запряженные грациозными лошадьми, у гостиницы Джозефа Моргана, ее хозяин размышлял о перспективах своего бизнеса. Таверну и дилижансы легко можно было объединить в прибыльное совместное предприятие. В то время Хартфорд был крупным транспортным центром, а одна из наиболее важных линий дилижансов «Мидл роуд» проходила из Бостона в Нью-Йорк через Хартфорд и Нью-Хейвен, а далее паромом до Нью-Йорка. И тогда Джозеф Морган приобрел значительные активы в линиях дилижансов. Говорили, что он фактически контролировал главные транспортные дороги штата, но этому заявлению нет документального подтверждения. Организованный бизнес все еще ждал своего часа. Потом появились железные дороги.

Железная дорога ускорила ход индустриальной и коммерческой революции, повлекшей за собой глубокие социальные перемены. Цеплявшиеся за старую систему люди резко осуждали железную дорогу, которую ассоциировали с фабричной системой и другими новшествами. Дорога была «дьявольским изобретением», способствовавшим капиталистической монополизации, а потому антиреспубликанским, рассчитанным на проникновение производителей в самое сердце страны, отвлечение производства от пусть и примитивных, но моральных устоев сельского хозяйства, что могло навлечь на людей все беды и несчастья индустриальных и коммерческих центров. Возмущение аграриев против расширения индустриализации росло. Эта борьба между сельским хозяйством и промышленностью в том или ином виде продолжалась до конца столетия.

Железные дороги вытеснили дилижансы и их кучеров из бизнеса. Кучер дилижанса был лучом света в серой обыденной жизни, предметом обожания женщин и идеалом для молодежи. Население сочувствовало кучеру дилижанса во время его разорения. Новый вид транспорта привел также к разорению таверн, процветание которых во многом зависело от дилижансов. Осознав неминуемость победы этого нового вида транспорта и все ее грядущие последствия, Джозеф Морган вовремя оставил бизнес, связанный с тавернами и дилижансами, и благополучно пережил перемены, которые для многих обернулись крахом.

Железная дорога стала основным средством передвижения, путешественники теперь останавливались в гостиницах и пили в салунах. Тогда Джозеф Морган открыл большую гостиницу в Хартфорде, что соответствовало духу времени и его положению влиятельного и зажиточного гражданина.

В это время его сын, Джуниус Спенсер Морган, родившийся в 1809 году, делал карьеру активного и успешного бизнесмена. Начав работать в шестнадцать лет клерком банка, уже через пять лет Джуниус Морган открыл на деньги отца свой независимый бизнес, основав в Нью-Йорке банкирский дом «Кетчум, Морган и К°». После ликвидации этого партнерства Джуниус Морган занялся галантерейным бизнесом в качестве младшего партнера «Хауи, Мазер и К°», а в 1851 году стал партнером «Дж. М. Биби и К°» в Бостоне. Биби, сын фермера, начал с розничного бизнеса, впоследствии стал неоспоримым лидером оптовой торговли. Когда какой-либо клиент сомневался в его ресурсах, Биби с гордостью отвечал:

– Этот магазин стоит миллион.

И это действительно было так. Вскоре его фирма стала называться «Дж. М. Биби, Морган и К°», что свидетельствовало о состоятельности и деловых качествах Джуниуса Моргана. Одним из младших партнеров «Биби, Морган и К°» был Леви Мортон, тот самый Мортон, который в последующие годы был сначала финансовым союзником, а затем подчиненным Дж. Пирпонта Моргана (в то время еще учащегося средней школы). Как и большинство других влиятельных торговцев, Морган и Биби активно занимались банковским делом и страхованием, а Биби еще участвовал и в развитии железных дорог.

Ни темперамент, ни активность Джуниуса Спенсера Моргана не были выдающимися. Его наиболее важными чертами были упорство и коммерческая честность. И особенно честность в те времена, когда в деловом журнале можно было встретить следующее объявление: «Если дела пойдут плохо, торговцу следует расчетливо взяться за работу. Когда он поймет, что приближается крах, и не в силах этому помешать, и если у него есть полмиллиона долларов, ему незамедлительно следует приобрести ценные бумаги на миллион, а затем обналичить их, скажем, на восемьсот тысяч долларов. Потом он объявляет, что его крах ужасен и что несчастный торговец никогда не способен возместить и двух центов за доллар. Так он сможет выкупить свои долги по десять центов за доллар, то есть всего за сто тысяч долларов. Таким образом, он отмоет в банке или на бирже Соединенных Штатов семьсот тысяч долларов. На это все единодушно воскликнут: «Какой благородный человек!» Но если он потратит последний доллар и у него не останется даже на кусок хлеба, то каждый скажет: «Какой ужасный мошенник!»

В противоположность этому, Джуниус Спенсер Морган всегда соблюдал высший кодекс деловой морали. Одним из примеров этому стал роспуск партнерства «Кетчум, Морган и К°». Моррис Кетчум был беспринципным спекулянтом, замешанным в теневом бизнесе, что и явилось для Моргана главной причиной разрыва с ним партнерских отношений.

Такие незыблемые моральные устои отца Дж. Пирпонта Моргана сочетались у него со стяжательством, жесткой решительностью, обостренным чувством собственного достоинства, холодной консервативностью и отрицательным отношением к демократии.

Такое предубеждение к демократии в Джуниусе Моргане воспитали условия ведения бизнеса и социальная аристократия Хартфорда. После революции федералистские настроения распространились среди демократических радикалов из числа фермеров, мелких торговцев и механиков, особенно в Новой Англии, где духовенство, чтобы захватить бразды правления, объединилось с торговой аристократией и новыми богатеями, сколотившими состояние на спекуляции. Эта аристократия поддерживала власть «обаятельных богачей или людей благородного происхождения», виртуозно жонглируя такими понятиями, как «богатый, мудрый, хороший и способный». Томас Джефферсон считался у них аспидом, а его демократическое движение – угрозой для цивилизации. Самым реакционным штатом Новой Англии стал Коннектикут, которым правила аристократия, управлявшая и Хартфордом – городом, основанным Томасом Хукером и его последователями, в качестве демократического вызова теократической олигархии Массачусетса. Дух этой аристократии олицетворяли «Хартфордские остроусловы», группа торговцев, юристов, профессоров и священнослужителей, цеплявшихся за обычаи предков. А также столпы власти, хулившие прогресс и с презрением относившиеся к

простым людям, которые строили более демократическое общество. Президент Йельского университета так отзывался о пионерах великого освоения Запада, которым было уготовано изменить всю американскую цивилизацию:

– Они не способны жить в нормальном обществе. Эти люди слишком ленивы, болтливы, несдержанны, расточительны и совершенно беспомощны, чтобы владеть собственностью или проявлять характер. Им тесно в рамках закона, религии или морали.

Другой член группы «Острословов», доктор Лемюэль Хопкинс, выразил настроение аристократии в исступленных стихах:

Ведомая разнузданными демагогами толпа раскольников,
Жестокая, яростная, неуважительная и шумная,
Смотри, как из темноты выходит на свет
Молодая демократия голытьбы!

Таковым был дух Хартфорда. Хозяин гостиницы Джозеф Морган держал свои паруса по ветру. Его если и не принимали, то благосклонно терпели. Но Джуниус Морган, рожденный в рубашке и благовоспитанный, уже принадлежал к аристократии, его врожденной чертой было презрение к демократии.

Аристократия должна соответствовать своему времени, и Джуниус Морган интерпретировал это аристократическое настроение в терминах современной бизнес-аристократии, которая признавала *noblesse oblige*¹, приняв на себя «моральную» и «филантропическую» ответственность за общественную жизнь. Джуниус Морган был членом приходского управления христианской церкви, советником приюта для сирот, членом-учредителем, попечителем и вице-президентом приходской школы для молодежи. Эта школа представляла собой примитивную модель коммерческих гражданских и воспитательных организаций, которые создавались «для морального и интеллектуального совершенствования своих членов», где «на смену пустым и фривольным удовольствиям молодежи приходили более высокие и более рациональные занятия». Вместе с тем консервативного Джуниуса Моргана отнюдь не трогали прогрессивные социальные идеи и движения. Его интерес к гражданским и моральным деяниям был отражением убеждения преподобного Джозефа Моргана в том, что «богатые – это общественное благо», которое принимает форму гражданских стремлений, оправдывающих (и развивающих) идеологию и практику приобретательства. В этом у Джуниуса Моргана оказалась целая армия последователей.

---

¹ Положение обязывает (*фр.*).

Глава 4. Джон Пирпонт – бунтарь

Алиса встала на колени и заглянула в дыру – в глубине виднелся сад удивительной красоты. Ах, как бы ей хотелось выбраться из темного зала и побродить между яркими цветочными клумбами и прохладными фонтанами.

Алиса в Стране чудес

Джуниус Спенсер Морган был отцом Джона Пирпонта Моргана, родившегося 17 апреля 1837 года. Его мать, Джулия Пирпонт, – дочь Джона Пирпонта, священника, поэта и бунтаря. Существует неподдельное мнение, что Пирпонт «был самым примечательным из всех предков Моргана». Однако сами Морганы явно отдавали предпочтение хитроумному, умевшему заработать владельцу гостиницы, и, по словам одного из биографов: «Джозеф Морган был конечно же менее известен, чем Пирпонт, но он был создателем капиталов Морганов, в то время как Пирпонт после бурной, яркой, но несостоявшейся карьеры скончался, будучи обладателем незавидного правительственного поста в Вашингтоне».

По его собственным словам, Пирпонт испытывал «любовь к справедливости, свободе и человеку и соответственно ненависть ко всему, что этому противоречило». «Подлость и преступность в высоких сферах, свидетелем которых он был», вызывали в нем яростный протест. Политическим вдохновителем Пирпонта был Сэмюел Адамс, профессиональный оратор и бунтарь, негиббимый организатор колониальной революционной деятельности, противник британской и американской аристократии, враг Александра Гамильтона и друг Томаса Джефферсона и Тома Пейна.

Родившийся в 1785 году, Джон Пирпонт работал преподавателем академии, частным учителем, адвокатом и торговцем. Склонный к церковной деятельности, в 1819 году он служил священником, приняв предложение стать пастором в церкви на Холлис-стрит в Бостоне. Пирпонт считался одним из ведущих деятелей унитарной церкви и одним из самых активных основателей Американской ассоциации унитариев.

Этот человек был не только священником, но и социальным бунтарем. Объединявшую в себе библейский аскетизм, праведное негодование и моральную строгость, религию Джона Пирпонта смягчали гуманитарные стремления к совершенствованию общества. Пирпонт настаивал на том, что «христианский священник должен работать в самой гуще сообщества». Хотя он и был воспитан на постулате «Так повелел Господь», его бунтарство определялось современными социальными условиями и устремлениями, господствовавшими в Новой Англии перед Гражданской войной.

Эта волна социального и гуманитарного протеста явилась продуктом индустриальной революции, которая особенно активно прокатилась по Новой Англии. Под давлением развивающегося капитализма рушились старые учреждения, классовые привилегии и идеалы. Старая коммерческая аристократия приходила в упадок, и к 1834 году примерно восемьдесят пять процентов бостонских торговцев уже были связаны с производственными предприятиями. Рост благосостояния фермеров и рабочих происходил значительно медленнее, чем накопление богатств владельцами фабрик и их торговыми партнерами, что лишь углубляло экономическое и социальное неравенство. Рабочие на производстве угнетались, их социальное положение ухудшалось, они жаловались на «низкую оценку их полезного труда» со стороны богачей. Стали появляться профсоюзы, организовывались забастовки, а независимые профсоюзы начали проводить политические акции, которые сотрясали денежную и культурную аристократию своими требованиями избирательного права, бесплатных государственных школ (которые клеймились как «антиамериканские» и как угроза республике). Сельское хозяйство

теряло прибыльность, фермы пустели, а миграция на Запад резко снизила численность исконного населения Новой Англии. Вместе с тем приток новых иммигрантов обеспечивал сырьевой материал для фабричной системы. Этих иммигрантов, в большинстве случаев ирландцев и немцев, презирали так же, как впоследствии их наследники презирали иммигрантов из Южной Европы, а их радикальные идеи эгалитарной демократии лишь подогревали эту ненависть. На фронтире под руководством президента Эндрю Джексона зрела новая демократия независимых и презирающих привилегии людей пионеров Запада. Старый порядок разваливался, а новый находился еще на стадии формирования.

Вызванные этими социальными переменами страдания, негодование и нестабильность вызывали протесты, надежды на золотой век и возрождение гуманизма. В туманной зоне, образовавшейся между старым и новым порядками, процветали реформистские движения и романтический энтузиазм. В результате получался коктейль из реакционного и прогрессивного противления новому положению вещей. Нежная унитарная меланхолия некоторое время оплакивала старый привычный порядок, а потом слилась с новым, поддерживая протест против социальной несправедливости, мечты об утопическом социализме, надежды на восстановление прежнего социального равновесия, трансцендентальную философию, профсоюзы и их акции, а также активное движение против рабства Уильяма Ллойда Гаррисона и других агитаторов. Джеймс Расселл Лоуэлл так выразил эти бунтарские настроения: «Правда всегда оказывается на эшафоте, а Неправда – на троне, и все же именно этот эшафот и определяет будущее».

Социальные живительные силы бродили в массах, и в Джоне Пирпонтте среди прочих. Но большинство все же не считало, что нищета, вызванная индустриальной революцией, оправдана получаемыми прибылями. Условия труда на заводах были плохими, просто ужасными, но общественное мнение того времени продолжало оправдывать сложившуюся ситуацию, к примеру, бывало мнение, что «принципы нашей религии слишком глубоко связаны с землей, чтобы следовать курсом политики, которая может привести либо к порокам, либо к невежеству. Хорошо известно, что ни в какой другой части мира моральные принципы не распространены так широко, как в конкретной части нашей республики, где наиболее широко прева-лирует производственная система».

Такое услужливое, сентиментальное безразличие раздражало Пирпонта. Он не тосковал о прошлом, его больше беспокоили настоящее и будущее. Пламенно и непреклонно он проповедовал слово Божье в условиях социальной борьбы. Кафедра стала для него трибуной. Пирпонт говорил: «Столь многие, даже из духовного сословия, живут ради плоти, заботясь только о плоти, и лишь сравнительно немногие живут духовно, заботясь о духовном... Осмелимся ли мы честно признать, сколь много мы служим Богу, а сколь – мамоне?»

В своей проповеди о воображаемой дискуссии между новообращенными и апостолом, который возражал против сжигания ефесянских книг, Джон Пирпонт категорически отвергал идею о том, что права собственности находятся выше самой жизни и прогресса: «Формы этого мира ушли в небытие, а с ними должны уйти и занятия, которые зависят от этих форм... Все те, кто в какое-то время был связан с существующим положением вещей, когда этот порядок меняется к лучшему, должны уступать место тем, кто несет это улучшение, либо сами должны поддержать то, что есть лучшее... Смогла бы даже хваленая римская правота прислушаться к требованиям друидского священника не вмешиваться в его дела?... Когда торговцы всей земли будут рыдать, потому что больше никто не покупает произведенные их рабами товары, что произойдет с теми, кто в настоящее время так затейливо сплетает поводок для раба?... Пусть также и ремесленники трясутся за свое ремесло, когда низвергаются боги, которым их ремесло призвано служить!.. Жизнь человека, его обязанности и его испытания постоянно изменяются вместе с условиями человеческой жизни. Но при этом моральные принципы правления Бога и правила, по которым измеряется наш долг, остаются такими же неизменными, как и сам Господь».

Социальное кредо в этих библейских образах просто и прямолинейно: вы не можете замкнуться в своем бизнесе, если он служит человечеству.

Одна из реформ, на которых настаивал Дж. Пирпонт, сводилась к отмене тюремного заключения за долги. Этот жестокий закон висел дамокловым мечом над бедняками. Профсоюзные организации осуждали его «как закон, который приравнивает бедность к преступлению» и как «отголосок феодальной системы». Ежегодно в Соединенных Штатах за долги попадали в тюрьму в среднем семьдесят пять тысяч человек, в одном только Бостоне – тысяча четыреста. Половина этих тюремных сроков давалась за долги менее чем в двадцать долларов. В Бостоне слепой человек, содержавший семью, попал в тюрьму за долг в шесть долларов, в Сейлеме ветеран Банкер-Хилла – всего за несколько долларов, а одна вдова в Провиденсе – за шестьдесят восемь центов. Ее посадил в тюрьму человек, при спасении собственности которого на пожаре ее муж лишился жизни. Непорядочность этого закона возмущала Пирпонта, и его осуждающие выступления были частыми и яростными.

Другая проблема была связана с воздержанием. Подход Пирпонта был скорее общественным, чем личным, а его обличения направлены главным образом против использования спиртных напитков в целях бизнеса. Он настаивал на воздержании, а не на запрете. Вино стояло и на его столе. Но поскольку спиртное было определенной моральной, экономической и политической силой в Новой Англии, то выступления Пирпонта вызывали враждебность со стороны сильных мира сего.

В те времена проблема рабства стояла довольно остро, и Джон Пирпонт стал ярким аболиционистом, активным организатором Американского общества борьбы с рабством, он был другом Гаррисона и часто писал в журнал «Либереитор». Проблема рабства разжигала страсти во всей стране, и Пирпонт решительно проповедовал противостояние этому великому злу. Тем не менее Новая Англия склонялась скорее к рабству, чем к беспорядкам, несмотря на то что ее лучшие представители ратовали за его отмену. Денежная и культурная аристократия процветала и блаженствовала: «Оставьте нас в покое!» Более того, от рабства в значительной степени зависело колониальное благосостояние Новой Англии, и многие торговцы все еще получали большие доходы от контрабанды «черного золота». Аристократы Кембриджа строили свои особняки на доходы от рабовладельческих плантаций Вест-Индии. Более того, работа прядильных фабрик также зависела от южного хлопка, и поэтому промышленники также не желали противостоять рабству и почти единодушно выступали против борцов с ним. Этот неразрешимый конфликт оставался неразрешимым только в голове весьма недалеконзидных радикалов.

Бескомпромиссный, как Гаррисон, Джон Пирпонт отождествлял аболиционизм с борьбой против реакции в целом. Его настроение хорошо отражают следующие строфы одной из его поэм:

Эй, рабы рабов! Вы все еще спите
И мечтаете о свободе во сне?
Ну что ж, мечтайте, когда рабство
С силой наступает вам на горло,
А его оковы, глубоко впиваясь в ваше тело,
Разъедают его, как раковая опухоль.

Ну что, скажите, я не прав,
Называя вас рабами? Так докажите обратное.
Выступит свободная пресса – ей заткнут рот,
Встанете на ее защиту – вас застрелят.
Да, люди должны бояться писать то,
Что не устраивает «братство»!

Пирпонт клеймил закон о беглых рабах как «сговор с иудами», а на утверждение, что это вполне конституционно, он отвечал так: «Допустим, что это действительно так? Но если конституция оправдывает зло, то я просто обязан ее нарушить... Даже если на моем пути станет Конституция Соединенных Штатов... Она не должна препятствовать мне, она должна помочь мне в пути, иначе мне придется просто перешагнуть через нее».

Такие полные возмущения высказывания, оскорбительные и логичные, глубоко беспокоили церковный приход Пирпонта. Воскресная месса должна была быть направленной на легкую медитацию о будущем, на спокойное общение с Богом, на примирение личных интересов и религии, но этот сумасшедший настаивал на установлении связи между учениями Христа и повседневной жизнью и пропагандировал опасное радикальное участие в социальной борьбе! Приход был возмущен, по крайней мере его большая часть. Почему бы Пирпонту не последовать совету преподобного Фрэнсиса Паркмена (которого придерживалось подавляющее большинство священников) и избегать «определенных досадных и сложных вопросов», таких как рабство? Доктор Паркмен наложил удобные ограничения на задачу церковника: «Проповедовать неизменное слово; с открытым сердцем предлагать людям молитву; поддерживать постулаты нашей веры во всей их простоте и святости; думать о душах людей, не повышая голоса и не путаясь в сиюминутных интересах этой жизни – таким образом человек зарекомендует себя перед Богом, как его покорный слуга».

Но для Джона Пирпонта это означало кривить душой перед верой и идти на компромисс со злом, игнорируя социальные задачи религии. Религия представляла собой меч социальной справедливости, пророки Ветхого Завета не сторонились «досадных и сложных вопросов» и не боялись «повысить голос». Несомненно, это был путь к миру, но не к справедливости, и поэтому со своей кафедры Пирпонт яростно клеймил социальные пороки, особенно рабство, и оправдывал свои действия Священным Писанием.

Часть его прихода протестовала, но Пирпонт оставался нестигаемым. В 1838 году эти страсти переросли в войну. Комитет конгрегации, представлявший абсолютное большинство, попросил пастора избегать «будоражающих тем», и прежде всего «отмены рабства», на что Пирпонт ответил: «Если я и соглашусь не затрагивать какую-либо тему с моей кафедры, то это будет одна из самых будоражающих тем».

Борьба обострялась, оппозиция обвинила Пирпонта во «вмешательстве в законы страны», в коммерческой нечестности и в моральной нечистоте (эта «моральная нечистота» заключалась в использовании слова «шлюха» в его проповеди!) и потребовала его смещения с поста. Пастор отказался уйти, настаивая на рассмотрении дела церковным судом: «Если ваши обвинения окажутся справедливыми, то для меня это окажется фатальным, а если они окажутся злобными наветами, это будет фатально для вас. Либо докажите свою правоту, либо откажитесь от своих обвинений». Явно побаиваясь суда, оппозиция все же настаивала на его отставке и отказалась выплачивать пастору содержание.

В итоге нестигаемый Джон Пирпонт добился суда, на проведении которого он настаивал. Официальная жалоба в церковный совет содержала серию обвинений по поводу морального облика Пирпонта, но суть дела сводилась к тому, что «пастор слишком глубоко внедряется в вопросы законодательства, касающегося запрета на торговлю спиртными напитками, отмены тюремного заключения за долги, и слишком часто затрагивает противоречивую тему отмены рабства».

Суд начался в 1841 году, продолжался шесть месяцев и привлек к себе большое общественное внимание. Пирпонт не отрекся от своих высказываний и был триумфально оправдан советом, который отверг все обвинения в аморальности, но выразил определенное недовольство по поводу некоторых эпизодов противоречивой деятельности Пирпонта. Суд не нашел оснований для его смещения с должности. После апелляции Верховный суд поддержал это

решение. Получив оправдательный приговор, Джон Пирпонт все же оставил свой приход. Его уход был принят.

Оставаясь таким же бескомпромиссным в вопросе о рабстве, как и Гаррисон, Пирпонт сочувствовал аболиционистам, которые разошлись с Гаррисоном по вопросу независимых политических действий. Он активно занимался организацией «Партии свободы» и выдвижением ее кандидата на пост губернатора Массачусетса. Понимая, что рабство было тесно связано с другими социальными проблемами – рабочим движением, коррупцией правительства, захватом государственных земель спекулянтами Севера и рабовладельцами Юга, – Пирпонт согласился на слияние «Партии свободы» и партии фрисойлеров и стал одним из ее кандидатов в конгресс. Не являясь полностью аболиционистской, партия фрисойлеров выступала против распространения рабства в новые штаты, брала на себя обязательства «защищать право на свободный труд от посягательств рабовладельцев и бороться за обеспечение свободных людей бесплатной землей». Более того, новая партия выступала за бесплатное выделение поселенцам земель из общественных фондов. Это популярное требование в конце концов было отражено в законе о гомстедах (земельных наделах) 1862 года и было поддержано профсоюзными группами, которые признавали, что «рабство отрицательно влияет на положение рабочих и проведение реформ». На партию фрисойлеров ополчились виги и демократы (которые хитро старались обходить проблему рабства), называвшие ее крайне революционной, но Джон Пирпонт безоговорочно ее принял. Впоследствии она внесла непосредственный вклад в дело организации Республиканской партии.

Затем разразилась Гражданская война! Семидесятишестилетний бунтарь, все еще боец, записался капелланом в армию, которой предстояло покончить с рабством. В апреле 1865 года восьмидесятилетний юбилей Пирпонта отмечался в Вашингтоне и перерос в торжества по поводу окончательной победы дела борьбы против рабства. Уильям Ллойд Гаррисон приветствовал его как старого бунтаря, «известного своими независимыми взглядами, острыми речами, бесстрашием в поисках истины и неугасимым интересом к делу прогресса и реформам в самом широком смысле». Джон Пирпонт был из породы духовных пророков, для которых религия не сводилась лишь к спасению несчастных душ, а являлась огненным мечом социальной борьбы за справедливость, отражавшей более глубокую и тонкую природу пуританизма.

Глава 5. Финансы: Джордж Пибоди и Джуниус Морган

*— Как сложны все эти перемены! Я никогда не уверена, чем я стану.
От минуты к минуте!
В тот день столько было всяких удивительных происшествий, что
ничто не казалось ей теперь совсем невозможным.
Алиса в Стране чудес*

Бунтарский дух Джона Пирпонта не совпадал с настроем всей страны, который формировался вместе с развитием индустриализации. Он просто служил сопровождением и аккомпанементом этого развития.

Это воистину был век материального прогресса, готовящегося к покорению потенциально богатого континента с безграничными естественными ресурсами. Подобно всем стихийным силам, этот резкий прорыв материального прогресса был яростный, не терпящий никаких ограничений и зачастую пугающий своими ближайшими последствиями. Но в итоговом значении он был динамичен, неминуем и прогрессивен. В то время как пламенное бунтарство Джона Пирпонта было достойно восхищения, все возникавшие проблемы и их решения определял именно ход этого материального прогресса.

На далеких равнинах Запада пионеры строили новую аграрную нацию, в избытке производя сельскохозяйственную продукцию. Естественно, у них возникала острая потребность в промышленных товарах. На Востоке, в Нью-Йорке, Пенсильвании и Новой Англии, прочно установилась фабричная система. Ее непрерывному развитию способствовало расширение рынков. После американской революции производство росло быстрыми темпами, особенно в текстильной, сталелитейной и металлургической промышленности. Строительство железных дорог шло еще более бурно. В 1828 году протяженность железных дорог составляла всего три мили, в 1837-м — 1417, а в 1857-м уже 24 476 миль. Предпринимательство и накопительство, независимо от их методов и целей, завладели умами и поступками людей. В условиях свободной и равной конкуренции любая возможность рассматривалась с точки зрения идеала малого бизнеса — «набить свою кубышку». И деловое предпринимательство неудержимо рванулось вперед.

Восприняв лозунг *laissez faire*² (в деле получения и накопления прибылей), развивающийся капитализм отнюдь не был доктринерским и по-своему изменил этот идеал. Широкую поддержку получил тезис о том, что правительству следует благосклонно поддерживать промышленность и коммерцию посредством законодательства и прямых денежных субсидий. Против этого американского плана выступали аграрии, недовольные тем, что он игнорировал их интересы. Независимые, всегда готовые к бою первопроходцы, чувствуя свою силу, трансформировали философию аграриев Томаса Джефферсона в практическую политику народной демократии Эндрю Джексона, захватили власть в правительстве и временно отменили американский план. Джексоновская демократия была крайне отрицательно настроена по отношению к аристократии. Вместе с тем покорение Запада привело к появлению там среднего класса и аристократии. Аристократия возникла на основе спекуляции, роста цен на недвижимость и развития коммерции, она, объединившись с восточными промышленниками и финансистами, вновь возродила американский план, но уже в других формах.

Борьба между аграриями и промышленниками велась по поводу финансовых вопросов. По мере развития капиталистической индустрии деньги стали основной формой выражения экономической активности. При примитивной колониальной экономике деньги применялись

---

² Неограниченная свобода торговли (*фр.*).

редко, а банки использовались еще реже. Но по мере роста числа поселений и расширения торговли количество денег увеличивалось, банки же стали играть важную роль только после американской революции. За расширением и специализацией рынков, когда производство переместилось из домов на фабрики и стало развиваться ради прибыли, а не ради использования произведенных товаров, последовал быстрый рост торговли, для которого требовались деньги и банки. В результате таких экономических перемен банки и их капиталы быстро множились. Деньги и банки становились решающим фактором объединения земли, труда и капитала в целях расширения производства, что сводило на нет прошлую независимость аграриев и ремесленников, которые теперь развернули борьбу против банков.

Эта борьба велась по двум направлениям. Первое выражалось в протесте людей, которые цеплялись за старую примитивную экономику и понимали, что банки являются ядром капитализма. Поэтому они противились банкам, которые обеспечивали превосходство новой капиталистической экономики. В 1819 году один экономист сравнил банки с корпорациями, целью которых, как он утверждал, было создание искусственной власти, способной привести к более неравномерному распределению собственности и снижению национального благосостояния. Он пришел к следующему выводу: «Банки в состоянии разорить любого человека, который осмелится вести свой бизнес без их участия, и могут поглотить результаты многих лет трудовой деятельности».

Но существовало и другое, более важное направление. В то время повсеместно встречалось некомпетентное руководство, мошенничество и несостоятельность. Банки зачастую представляли собой спекулятивные, незаконные предприятия-однодневки, которые появлялись только для того, чтобы собрать прибыль для своих организаторов и исчезнуть. Крах банков часто заканчивался беспорядками и кровопролитием. Помимо этого банки выпускали миллионы не имевших никакой ценности оборотных кредитно-денежных документов, представлявших собой лишь обман народа и, как правило, годившихся скорее для спекуляции, чем для удовлетворения насущных нужд промышленности и торговли. Такое положение породило коррупцию, клики банкиров начали манипулировать правительствами штатов, пока наконец в Филадельфии газета «Паблик Леджер» не заявила с возмущением: «Коррупция у нас процветает пышным цветом, а банковская система – главный коррупционер». В своем обращении к конгрессу в 1833 году профсоюзные организации Нью-Йорка протестовали против выпуска банками оборотных кредитно-денежных бумаг, которые «снижали ценность денег, повышая цену на все плоды труда».

Джексоновская демократия равенства стартовых возможностей идентифицировала банки с новыми капиталистическими силами, угнетающими фермеров, первопроходцев и ремесленников, и, отказав в принятии устава банку Соединенных Штатов, попыталась таким образом нанести удар по всем банкам. Но поскольку капитализм функционирует посредством сети сложных финансовых отношений, число банков продолжало расти, а эта борьба сводилась к установлению правительственного контроля за банковской системой, но не к ее уничтожению. Пионеры Запада и ремесленники, будучи приверженцами идеи индивидуализма, не могли осознать, что вся проблема заключалась как раз в общественном контроле. Именно эта проблема будоражила и до сих пор будоражит всю жизнь Америки.

В ходе этой борьбы за банки и валюту в области финансов произошло еще одно важное событие, в результате которого и возник банкирский дом Морганов. Оно заключалось в быстром росте импорта европейского капитала, необходимого для финансирования американской промышленности и торговли. Европейский капитал играл важную роль в развитии колониальных производств, а во время революции континентальный конгресс делал крупные денежные займы за границей, но в 1812 году иностранный долг национального правительства был аннулирован. Тем не менее бурный рост сельского хозяйства, промышленности и торговли вынудил правительства штатов и частных предпринимателей приступить к новым займам иностран-

ного капитала. Экономика Соединенных Штатов была в основном сельскохозяйственной, и ее потребности в товарах и капитале превышали собственные возможности страны. Между 1820 и 1860 годами международная торговля увеличилась в четыре раза, а импорт промышленных товаров – почти в шесть раз. Неблагоприятный баланс торговли постоянно увеличивался, а преобладание импорта над экспортом в большей степени оплачивалось путем продажи американских ценных бумаг в Европе. Правительства штатов продавали свои облигации за границей для финансирования строительства каналов и других проектов американского плана, а кооперативные предприятия (в частности, железные дороги) продавали большое количество своих собственных ценных бумаг иностранным инвесторам. К 1856 году иностранные инвесторы владели американскими национальными, штатными, городскими и корпоративными облигациями и акциями на двести три миллиона долларов из общей суммы один миллиард четыреста семь миллионов.

Такой импорт иностранного капитала сталкивался со значительной народной оппозицией. Это явилось очередной фазой борьбы против новой промышленной и финансовой системы на том основании, что иностранные долги ложились тяжелым грузом на страну, способствовали спекуляции и созданию корпораций. Однако все усилия оппозиции были обречены на провал.

Такие международные финансовые отношения вызвали к жизни ряд инвестиционных банковских домов, которые специализировались на международном валютном обмене и продаже американских ценных бумаг европейским инвесторам. Наиболее важной из них стала «Джордж Пибоди и К°» – располагавшаяся в Лондоне компания американских инвестиционных банкиров. В 1853 году Джуниус Спенсер Морган стал партнером «Пибоди и К°», а после ухода Джорджа Пибоди на пенсию в 1863 году фирма стала именоваться «Дж. С. Морган и К°». Это и послужило началом существования банкирского дома Морганов.

Джордж Пибоди был большим оригиналом. Хитроумный янки и мастер делать деньги, он ловко проник в британское общество, сохранив свою республиканскую простоту, и даже отклонил предложение королевы Виктории принять титул баронета. Не в пример Джуниусу Моргану, Пибоди был гуманистом, интересовался филантропической социальной реформой и дружил с Робертом Оуэном – социалистом и бизнесменом. Большую часть своего состояния Пибоди потратил на филантропию – два с половиной миллиона долларов на строительство «образцовых домов» для бедняков Лондона, три с половиной миллиона долларов на образование негров на Юге (после Гражданской войны) и два миллиона долларов на американские научные и образовательные фонды. Это было необычно и удивительно в век, когда считалось, что Джон Джекоб Астор «принимал близко к сердцу нужды культуры и рабочего класса», так как выделил двадцать тысяч долларов «Обществу пожилых женщин» и двадцать пять тысяч – «Немецкому обществу» на открытие офиса в Нью-Йорке для «бесплатного предоставления советов и информации всем нуждающимся эмигрантам». Луис Бланк считал Джорджа Пибоди «другом бедноты», а Виктор Гюго – «богачом, который ощущает на себе холод, голод и жажду неимущих». Вместе с тем филантропия представляет собой уход от социальных проблем, а не их решение. Но там, где мрачный Джуниус Морган помпезно участвовал в благотворительных мероприятиях «социального и морального характера» в качестве защитной *noblesse oblige* бизнес-аристократии, Джорджа Пибоди действительно глубоко трогали человеческие несчастья и надежды. Он был тонким гуманистом со всем благородством (и недостатками) филантропа.

Из бакалейщика и кладовщика Джордж Пибоди вскоре превратился в преуспевающего торговца. Самым важным фактором деловой жизни оставался капиталист-торговец, а не капиталист-промышленник или финансист. Производство еще оставалось мелким и обособленным, и торговцы превалировали над производителями в деле доставки товаров к потребителям. Но когда промышленность окрепла, а банки приобрели больший вес, многие преуспевающие торговцы, обладавшие достаточными денежными ресурсами, начали финансировать производство

товаров, а также их распределение, пока не превратились в исключительно инвестиционных банкиров. Большинство важных инвестиционных домов вышло из торгового бизнеса – дом Морганов, «Браун бразерс», «Кун, Лоеб и К°», «Дж. и У. Селигман и К°», «Лазар Фрере». Джеймс Стилман, который создал крупный банк «Нэшнл-Сити», тоже начинал свой бизнес с торговли хлопком. Такие торговцы, как Джуниус Морган и Леви Мортон, закончили свою карьеру в качестве инвестиционных банкиров, как и Джордж Пибоди. Развивающийся капитализм сверг с трона купца как представителя бизнес-аристократии.

Еще занимаясь торговлей, Джордж Пибоди почувствовал всю важность новых индустриальных и финансовых преобразований. Он был одним из пионеров железных дорог, одним из учредителей и президентом «Истерн рэйлроуд», железной дороги протяженностью в шестьдесят миль, построенной в 1836 году. Путем объединения и аренды «Истерн» стала одной из важнейших железных дорог Новой Англии и приносила более высокие дивиденды, чем большинство других железных дорог. Пибоди понимал не только значение железных дорог для «оказания всяческих услуг коммерции и производству», но и их политическую значимость в укреплении «связей союза» и преодолении трудностей, связанных со слишком обширной территорией страны.

Финансирование железной дороги открыло для Пибоди значимость и прибыльность импорта капитала. В 1835 году он организовал в Лондоне фирму «Джордж Пибоди и К°», занимавшуюся главным образом международными расчетами и операциями с американскими ценными бумагами. В 1843 году Пибоди закрыл все свои торговые отделения, чтобы полностью посвятить себя международному банковскому делу. Свое огромное состояние Пибоди нажил в банковском бизнесе в период между 1844 и 1864 годами. «Все, к чему я прикасался в те годы, – говорил он годы спустя, – похоже, само превращалось в золото».

Потребности Америки в иностранном капитале были почти неутолимыми, и большая его часть поставлялась британскими инвесторами, которые, несмотря на (или благодаря) снижение уровня жизни масс во время «голодных сороковых» и позже, умудрились накопить достаточно большие деньги для покупки всевозможных иностранных ценных бумаг. «Пибоди и К°» боролась за американский финансовый бизнес с Ротшильдами и Барингами и в конце концов все-таки заполучила его.

Паника 1837 года пошатнула престиж Америки в Европе. Джордж Пибоди предвидел это событие еще в 1836 году, когда писал одному из своих друзей, что «масштабы спекуляции, характерной для последних двух или трех лет, должны привести к ужасающим результатам... Я советовал своим партнерам затаиться и быть готовым к чрезвычайной ситуации». Представители промышленных и финансовых интересов во всем винили джексоновскую демократию, утверждая, что паника возникла из-за ее нападков на банк Соединенных Штатов в частности и на финансовые учреждения в целом, но в реальности эту панику вызвала безумная спекуляция, неплановое развитие промышленности, некомпетентное (и зачастую и нечестное) ведение банковского дела и, по данным одного делового журнала того времени, «стремление заработать за счет отдельных людей и всего народа». Число незаконных банков множилось, спекуляция охватывала все виды ценностей, и наконец наступил неминуемый крах, принесший с собой большое число банкротств, потерю сбережений, общую безработицу и острое недовольство рабочих, особенно в товаропроизводящих районах. Паника докатилась до Лондона, где три американских банкирских дома были вынуждены приостановить свою деятельность из-за «огромных и расточительных» спекулятивных сделок. За этим последовали ликвидация значительного количества американских ценных бумаг и отказ от новых предложений. Ситуация еще больше осложнилась, когда несколько американских штатов аннулировали свои иностранные долги.

Государственный долг, составлявший в 1820 году двенадцать миллионов семьсот девяносто тысяч долларов, в 1838 году вырос до ста семидесяти миллионов. К тому же большин-

ство долговых обязательств находились в собственности Европы, а именно они составляли основу развития американского иностранного инвестиционного банковского дела, на котором и процветала «Джордж Пибоди и К°». Американский план активно поддерживал промышленность посредством защиты тарифов и выделения государственных субсидий в помощь частным предприятиям, особенно для улучшения транспортной системы. К 1836 году на строительство каналов и железных дорог ушло более девятиста миллионов долларов, из которых пятьдесят процентов представляли собой государственные облигации, принадлежавшие главным образом британским инвесторам. Использование государственных денег сопровождала значительная коррупция, многие предприятия были беспринципно спекулятивными и плохо управлялись, а правительства некоторых штатов даже не ставили конкретных условий погашения долгов. Во время паники 1837 года потерпели крах многие плохо управлявшиеся спекулятивные предприятия, ситуация быстро ухудшалась, и в 1841 году девять штатов прекратили выплату процентов, а три отказались от своих долгов.

Такие действия потрясли европейских инвесторов и создали угрозу для иностранного инвестиционного банковского дела. Джордж Пибоди обратился к штатам с призывом «сохранять свою коммерческую честь» и потребовал пообещать, что они вскоре возобновят выплату процентов и полностью выполнят свои обязательства. Пибоди посвятил себя выполнению задачи восстановления доверия к американскому кредиту и, по словам Эдварда Эверета, сотворил чудо – честный человек превратил бумаги в золото. Пибоди стал скупать значительно обесцененные государственные облигации, восстановил доверие к штатам и тем самым снизил финансовую напряженность. Сам же он значительно увеличил свое состояние, когда эти ценные бумаги стали расти в цене, благодаря укреплению данного доверия к стране.

Среди таких плохо управляемых предприятий, финансируемых главным образом из государственных денег, оказалась «Чесапик и Огайо кэнл компани», финансовым агентом которой в Англии была «Пибоди и К°». Этот канал представлял собой совместное предприятие Мериленда, Вирджинии и национального правительства и соединял реки Потомак и Огайо. Его строительство началось несмотря на появление железных дорог, так как расчетливые и дальновидные бизнесмены утверждали, что железные дороги в ближайшие годы еще не обретут практического значения. Строительство канала «Чесапик и Огайо» и железной дороги «Балтимор и Огайо» началось примерно в одно и то же время, и оба проекта включились в борьбу за общественную и правительственную поддержку. Эта борьба достигла конгресса, где один из выступавших заявил, что канал «Чесапик» не сможет устоять перед более совершенными железными дорогами, в то время как президент «Чесапик» осуждал «иллюзии конгресса в пользу железных дорог». Потом стало совершенно ясно, что железные дороги более практичны, чем каналы, но, несмотря на это, «Чесапик и Огайо» не сдавался и получил дополнительные средства от национального правительства и штата Мериленд. Хотя эти деньги намного превышали изначальную оценку стоимости строительства, канал все еще не был достроен из-за плохого руководства и расточительства^[1]. Денежный кризис 1839 года едва не закончился крахом этого предприятия. Его директора сетовали на то, что задолженность предприятия, обеспеченная облигациями штата Мериленд, позволила «банкам и банкирам установить время выплат и обогатиться таким образом за счет компании, вызвав необходимость незамедлительной продажи этих облигаций». Это походило бы на правду, если бы сами директора не искали козла отпущения за свое плохое руководство и упорное продолжение строительства канала, который явно должен был уступить место железной дороге. Часть долга «Чесапик» на один миллион двести пятьдесят тысяч долларов находилась в Европе и обеспечивалась облигациями под гарантии «Пибоди и К°». Из-за ослабления доверия к штату Мериленд ценность этих облигаций значительно снизилась, однако директора утверждали, что Пибоди пошел при их продаже на чрезмерные уступки и «поставил нас в очень трудное положение». Тогда Пибоди

попросту отказался быть фискальным агентом компании, не пожелав более участвовать в делах плохо управляемой корпорации.

В период между 1840 и 1857 годами железные дороги развивались бурными темпами, и ценные бумаги американских железных дорог стали излюбленной целью европейских инвесторов. Быстрое развитие системы железнодорожного транспорта состоялось во многом благодаря импорту иностранного капитала. Среди многочисленных эмиссий, которые в 1853 году размещала «Пибоди и К°», были акции и облигации «Огайо и Миссури рэйлроуд», которая не смогла собрать дополнительный капитал в самих Соединенных Штатах.

Хотя государственные денежные дотации от правительств штатов и содействовали строительству железных дорог, от национального правительства такая помощь не поступала вплоть до 1850 года. Конгресс тем не менее оказывал железным дорогам косвенную поддержку путем понижения тарифов на рельсы и импорт других металлоизделий (несмотря на протесты производителей металла), посредством предоставления банковских привилегий и освобождения от налогов. На железных дорогах стали появляться спекуляция, плохое управление и коррупция, но они не принимали каких-либо катастрофических размеров вплоть до окончания Гражданской войны. «Эри рэйлроуд» пользовалась худой славой из-за плохого руководства и деморализации. Она оказалась игрушкой в руках пиратов бизнеса, сначала Джекоба Литтла, а затем – Дэниела Дрю.

Будучи страной-должником, Соединенные Штаты почти всегда проводили либеральную международную политику. Просматривался также и определенный аппетит к некоторому территориальному расширению, но это все сводилось к созданию поселений в неосвоенных диких регионах Америки, а не к империалистической экспансии (за исключением того, что рабовладельцы Юга стремились аннексировать латиноамериканские земли, чтобы создать там свою империю и ограничить власть северных штатов «освобожденного труда»). Политическая доктрина божьего промысла оставалась в тени до начала интенсивного развития монополистической промышленности и финансов. Корнелиус Вандербилт, прошедший путь от паромов до пароходов и ставший мастером беспринципной конкуренции, занимался созданием транспортных предприятий в Никарагуа, на основе которых появилась первая иностранная американская железная дорога. Когда американские законодатели отобрали у него франшизу и продали ее другим, Вандербилт для возвращения своей собственности использовал характерные хищнические методы концессионеров. Это явилось преддверием империализма (в мягком виде), но не принесло сиюминутных результатов. Соединенные Штаты были полностью поглощены своим собственным внутренним развитием.

Бурно развивающаяся американская промышленность поразила другие страны своими достижениями на Лондонской промышленной выставке в 1851 году. Участие Соединенных Штатов в этой выставке стало возможным благодаря финансовой поддержке Джорджа Пибоди, в то время как конгресс не выделил на это никаких ассигнований. Выставка достижений американских производителей привлекла к себе огромное внимание. Британцев восхитила сотня паровых станков, использовавшихся для производства частей винтовки Спрингфилда, и, по словам одного журнала, Англия получила больше пользы от американской экспозиции, чем любая другая страна. Благодаря огромному числу изобретателей (большинство из которых мало что получило от своих изобретений) Соединенные Штаты быстрыми темпами совершенствовали свои технологии, во многом опередив другие страны в деле использования взаимозаменяемых механизмов, автоматических станков и стандартизации. В период между 1850—1860-ми годами производство железа и текстиля возросло на шестьдесят пять процентов, значительно вырос экспорт и производство локомотивов, станков и других товаров из железа и стали.

Но этот прогресс, так или иначе, прерывали перемежающиеся периоды процветания и депрессии в промышленности и торговле, и все это завершилось паникой 1857 года, кото-

рая чуть не разорила «Пибоди и К°». Ситуация была еще хуже, чем в 1837 году. Положение всех промышленных городов было «абсолютно удручающим». И опять причиной финансового краха стали неплановое развитие промышленности, избыточное строительство железных дорог, бешеная спекуляция землями Запада и плохое управление финансами. Представитель Пибоди в Америке, «Дункан, Шерман и К°», едва избежала банкротства. Кризис больно ударил по промышленности и финансам Британии и особенно по расположенным там американским банкирским домам, чьи представители в Соединенных Штатах не имели возможности перечислять деньги. «Пибоди и К°» испытывала нехватку фондов, а их акцепты составляли всего два миллиона триста тысяч фунтов в то время, когда деньги можно было получить только через Английский банк. Джуниус Морган (ставший в 1853 году партнером «Пибоди и К°») провел переговоры о займе в восемьсот тысяч фунтов и получил обескураживающий ответ: «Банк выдаст этот заем при условии, что «Пибоди и К°» прекратит свою деятельность в Лондоне после 1858 года». Но Джордж Пибоди был бойцом. Он бросил вызов Английскому банку, мобилизовал мощную британскую поддержку, получил-таки заем и успешно пережил кризис. После этого Пибоди практически отошел от дел, и Джуниус Морган занял в компании главенствующее положение.

В это время двадцатилетний Джон Пирпонт Морган работал клерком в «Дункан, Шерман и К°». Эту фирму спасла от банкротства «Пибоди и К°», а Джуниус Морган, воспользовавшись возможностью, попросил их сделать его сына партнером. Получив отказ, младший Морган занялся самостоятельным делом в банковском бизнесе своего отца и постепенно стал выполнять функции американского представителя «Пибоди и К°».

Дж. Пирпонт Морган был практически единственным из капитанов промышленности и финансов, кто пришел к власти после Гражданской войны и кто не добился этого самостоятельно, а был сыном богача – миллионера Джуниуса Моргана. Этот факт много значил в его восхождении к вершинам власти.

До двенадцати лет молодой Морган жил в Хартфорде. Несколько лет он находился под наблюдением врача из-за проблем с легкими, а в четырнадцать поступил в английскую среднюю школу в Бостоне. Он мало общался с другими сыновьями богачей, был сдержан, молчалив и враждебен. В школе Морган учился средне, был медлительным, горделивым и слыл занудой; не блистал, но учился усидчиво и упорно. Его таланты особо проявились при изучении математики. После окончания школы здоровье все еще оставляло желать лучшего, и Морган провел некоторое время на Азорских островах, а затем совершил турне по Европе и отучился два года в университете Гёттингена, где добился хороших результатов в математике (но более ни в чем другом).

Сын беспокоил Джуниуса Моргана: «Что мне с ним делать?»

Отца настораживала внутренняя сдержанность молодого человека, его резкий, властный и замкнутый нрав (который только частично являлся результатом врожденного кастового высокомерия) и явное отсутствие таланта. Никакой искорки, никакой тяги к работе – все это особенно беспокоило старого Джуниуса. Династический импульс побуждал его сделать единственного сына банкиром, чтобы тот продолжил его бизнес в доме Морганов. Джуниусу Моргану все же удалось это сделать, но лишь после еще одного тревожного периода.

Под грубоватой и высокомерной сдержанностью молодого Моргана скрывалось что-то чувствительное, почти романтическое – возможно, это было влияние матери Пирпонта. Он старательно это скрывал, но с ним происходили мистические вещи – он вспылал огромной любовью к женщине, которая была предрасположена к туберкулезу и находилась на грани смерти. Его возлюбленная, Амелия Стердженс, отклонила предложение Моргана выйти за него замуж, но двадцатидвухлетний молодой человек настаивал на своем. Человек, которому судьбой было предначертано повелевать людьми, в тот момент умолял. Человек, которому предстояло бросить вызов антагонистам и общественному мнению, в тот момент бросал вызов смерти. Его

возлюбленная находилась в Париже, и Морган отправился туда, оставив свой бизнес (сплошное беспокойство для старого Джуниуса: «Что мне с ним делать?»). Они поженились, но через три месяца Амелия умерла, несмотря на отчаянное противостояние смерти его огромной любви... Романтично!.. Но такого с ним никогда больше не произойдет. Морган похоронил свои сентиментальные, почти романтические черты под грубой мужественностью сильного, молчаливого человека, с головой погруженного в бизнес. Потом эти качества, которые Морган подавлял в себе как слабость, проявлялись только в его любви к красоте Средневековья. Власть стала его идеалом, погоня за ней – его романом, а любовь свелась к покорению женщин, которые служили лишь атрибутом его власти.

Впоследствии Дж. Пирпонт Морган сконцентрировал все свое внимание на банковском деле, и старый Джуниус перестал беспокоиться. Стремление к могуществу придавало ему энергии, он взялся за дело и никогда больше не отступался, вплоть до момента за три месяца до смерти. Финансы превращались в ведущую силу экономической жизни, принимая все новые формы и функции. Идя в ногу с развитием финансов и их радикальными изменениями, Морган упрямо продвигался к высшей власти на американской сцене. История банкирского дома Морганов – это история трансформации американского капитализма в разгар экономической гражданской войны путем централизации промышленности и финансов. Некоторые становятся значимыми фигурами, гиперболизированным отражением чаяний обычных людей и происходящих событий, и это, как правило, происходит с проповедниками и политиками. Морган же стал выдающимся человеком, в котором многократно и сконцентрированно отразились фундаментальные изменения в промышленных и финансовых учреждениях, власть, блеск и величие американской денежной аристократии.

Часть вторая

Гражданская война

Глава 6. Война и карабины

– Что это ты выдумываешь? – строго спросила Гусеница. – Да ты в своем уме?

– Не знаю, – отвечала Алиса. – Должно быть, в чужом. Видите ли...

– Не вижу, – сказала Гусеница.

– Боюсь, что не сумею вам все это объяснить, – учтиво промолвила Алиса.

Алиса в Стране чудес

Моральные аспекты, как правило, отступают перед силой экономических учреждений, если только они не выражают интересы конкурирующих организаций и не служат им. Моральное неприятие рабства Гаррисоном, Пирпонтон и другими постепенно сходило на нет, пока не приобрело новый импульс и не превратилось в определенную идеологию неразрешимого социального и политического конфликта.

Индустриальные преобразования привели к конфронтации между аграриями и промышленниками, которую еще больше обострила проблема рабства, а рабовладельцы, по сути, сами были аграриями. Индустриализация сформировала экономические и политические учреждения, антагонистические в равной степени как к аграрной демократии, так и к рабовладельческой системе. Вместе с тем сельское хозяйство Севера благодаря своему свободному и индивидуалистическому характеру породило капиталистическое предпринимательство, которому противилась статичная и реакционная система рабовладения. Каким бы компромиссным ни было отношение капитализма Севера к апологетам рабства, его прогрессивная экономика не могла не столкнуться в острой борьбе с рабовладельческой экономикой. Приведенные в отчаяние укреплением экономического и политического могущества Севера, стоявшие перед острой альтернативой – расширяться или разориться, рабовладельцы, в период, когда они еще контролировали национальное правительство, пророчески отмечали несовместимость свободного и рабского труда, предприятий бизнеса и рабского сельского хозяйства. Государственные деятели Юга доводили до бешенства промышленников и финансистов, отказывая им в принятии законодательных мер, необходимых для индустриального развития, а рабочих и новых поселенцев – отклоняя их требования о «бесплатной раздаче земли» в ходе своей кампании по захвату западных земель для рабовладельцев.

Между соперничающими экономическими и политическими системами и ведомствами началась бескомпромиссная борьба за власть. Трансформированная по логике вещей из моральной проблемы в вопрос практической политики, борьба против рабства переросла в настоящую войну. Освобождение негров (как цель этой войны) стало идеологией капитализма, которому было жизненно необходимо покончить с рабством. Эта война носила социальный характер.

В начале войны Джону Пирпонтон было семьдесят шесть лет, но он все же записался капелланом в Армию союза^[2]. Его двадцатичетырехлетний внук, Дж. Пирпонт Морган, не пошел в армию ни добровольно, ни по призыву, хотя и оставался вдовцом вплоть до 1865 года (он женился на Франсис Луизе Трейси и имел трех дочерей и одного сына, Джона Пирпонта Моргана, младшего, родившегося 7 сентября 1867 года). Богачи избегали призыва в армию,

нанимая вместо себя за триста долларов добровольцев, подбор которых вскоре превратился в организованный и прибыльный бизнес. Объявления с предложением стать такой заменой можно было видеть довольно часто: «Для службы в армии джентльменам будут предоставлены замены, если они отправят свои заказы в офис Ассоциации торговцев, банкиров и обычных добровольцев».

Кроме Моргана, в Гражданской войне не участвовали и другие капитаны промышленности и финансов, среди которых пышно процветал «пацифизм». Джей Гулд оказывал посреднические услуги, здоровяк Джим Фиск продавал правительству одеяла с достаточной прибылью для себя, Уильям Г. Вандербилт занимался фермерством, Джон Д. Рокфеллер инвестировал свои сбережения в переработку нефти, Эндрю Карнеги находился на гражданской службе, а Филип Армур спекулировал свининой (когда близилась победа Союза, он провел «короткую» продажу своего дела и выручил на этом два миллиона долларов). Призыв «сделать людей свободными» не трогал этих людей, прикидывавших свои шансы к обогащению: пусть погибают другие, а они должны делать деньги.

Во время войны сын Джуниуса Моргана сконцентрировал свое внимание на бизнесе в фирме, которая называлась «Дж. Пирпонт Морган и К^о, частные банкиры». На бирже, в тени Уолл-стрит, где он позже правил бал, высокомерный и массивный молодой человек занимался своим бизнесом, главным образом обменом иностранной валюты. Ничто в его облике (помимо сосредоточенности на бизнесе) не привлекало внимания и не указывало на то, что вскоре он станет мастером делать большие деньги. Уже потом люди пытались создать вокруг молодого Моргана некую ауру, приписывая ему такое «впечатляющее» высказывание: «Однажды мы покажем себя как самая богатая страна мира с точки зрения естественных ресурсов. Для этого придется поработать, и работать интенсивно, чтобы превратить наши ресурсы в деньги и оплатить ими стоимость войны, как только она закончится».

Но это заявление отнюдь не являлось чем-то значительным или оригинальным, такие разговоры в те дни были обыденным явлением. Морган слыл перспективным молодым человеком, полностью погруженным в банковский бизнес в сравнительно узких рамках, преследующим обычную рутинную цель – делать деньги, а война оставалась лишь одним из аспектов этого дела. Занимаясь этим в надежде на большую прибыль, Дж. Пирпонт Морган принял участие в сделке, которую комитет палаты представителей потом охарактеризовал как мошенническую попытку заполучить от правительства сорок девять тысяч долларов поверх цены проданной собственности, и даже назвал «преступлением против государственной безопасности».

Эта сделка Моргана вошла в список мошенничеств с военными контрактами, который указывал на исключительно низкий уровень тогдашней деловой морали. Через шесть недель после начала войны «Нью-Йорк таймс» писала о том, что поступает большое количество вполне обоснованных жалоб на широкую коррупцию и расточительство в отношении контрактов для нашей армии и флота. Палата представителей незамедлительно создала комитет для расследования этого дела. Потом его председатель частным образом докладывал министру финансов Салмону П. Чейзу об организованной системе мародерства, грабежа, мошенничества, расточительства и спекуляции.

Обвинения были полностью подтверждены фактами. В мире бизнеса спекуляция и погоня за прибылями процветали угрожающе и бесстыдно, что только усугубляло тяготы войны и возможность катастрофы. В то время как одинокий человек в Белом доме (в трудные времена практичный политик всегда становится великим) пытался воплотить свои мечты в реальность, а солдаты в полной мере проявляли свою преданность под музыку «Он умер, чтобы сделать людей святыми, а мы умрем, чтобы сделать людей свободными», пираты бизнеса рассматривали эти грандиозные события героического века с точки зрения затрат и прибылей. Но дух нации царил не в них, а в тех людях, которые ответили на призыв стать добровольцами

и пели на марше: «Мы идем, отец Авраам, еще триста тысяч», – именно в этих людях и в том, кто разбудил их преданность.

Искатели прибылей присосались к правительству, как на Севере, так и на Юге. Мошенничество приобрело систематический характер, и это успешно совершалось уже в течение ряда лет, по словам министра Чейза. Под покровительством правительства возник целый легион посредников, которые с помощью и под покровительством коррумпированных политиков заключали контракты и продавали их производителям с большой прибылью для себя, а производители соответственно слегка повышали свои цены. Большая часть денег, выплачиваемых правительством по контрактам, попадала в руки мошенников и приносила им сверхприбыли. В 1862 году комитет палаты представителей сообщал о крупных махинациях, совершенных при закупках вооружений и обмундирования, а сотрудники Министерства финансов и Военного ведомства, подрядчики по контрактам, политики и банкиры сговорились, чтобы обманывать правительство. Прибыли от продажи оружия правительству были огромными, сообщалось в отчете комитета по расследованию, и все это организовала система брокеража, настолько беспринципная и нечестная, настолько равнодушная к успехам страны, что ее вполне можно приравнять к фактической измене родине. Но ни проведенное расследование, ни увольнение военного министра не улучшили в какой-либо мере сложившуюся ситуацию, в результате чего один из членов палаты представителей так сказал в 1863 году: «По истечении двух лет мы наблюдаем ту же самую систему вымогательства, мошенничества и казнокрадства». В обществе поднялся шум: «Коррупция нас погубит!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Для снижения стоимости строительства «Чесапик и Огайо кэнл компани» импортировало по контракту большое количество рабочих из Ирландии и Голландии. Рабочих преследовали болезни, они бунтовали против низкой зарплаты и плохих условий труда, и время было упущено. Несколько бежавших рабочих арестовали в Балтиморе, но симпатизировавшая им толпа освободила их. Секретарь компании заклеил этих людей как «чуму», и на этом импорт рабочей силы прекратился (Уорд Джордж Ф. Начало осуществления проекта «Чесапик и Огайо кэнл». С. 90–92).

2.

Слабое здоровье заставило Пирпонта отказаться от службы в армии. Министр Салмон П. Чейз предоставил ему работу в Министерстве финансов по составлению резюме принятых постановлений. Очевидно, между Джоном Пирпонтон и его дочерью-миллионершей, зятем и внуком произошел разрыв, и он умер в 1868 году в бедности. Среди его бумаг находилась долговая расписка на полторы тысячи долларов, индоссированная одним бостонским издателем (Вильсон Джеймс Гранд. Браян и его друзья. С. 381–382).